

Смертная казнь в зеркале транснационального конституционализма

Оксана Николаевна Семенова¹, Антон Михайлович Петров²

^{1, 2}Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия

¹Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия

¹mercury06@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0446-9953>

²zepp.list@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0308-189X>

Аннотация. Конституционализм стал основой глобализирующегося мира. Права человека были признаны демократической ценностью любого государства. Однако из-за ряда причин вопрос о назначении и исполнении смертной казни не нашел однозначного разрешения в законодательстве различных стран. В Российской Федерации в условиях, когда страна официально вышла из состава Совета Европы, членство в которой сопровождалось требованием о неприменении этого уголовного наказания, актуализировались споры о возобновлении вынесения смертных приговоров за совершение ряда преступлений. Авторы статьи, опираясь на проведенный анализ положений международного законодательства, добровольно принятых на себя Россией международных обязательств в области прав человека, конституционных норм, правовых позиций и решений Конституционного Суда Российской Федерации, научных трудов по исследуемой проблематике, формулируют собственное видение относительно правовых возможностей возобновления применения смертной казни в стране сквозь призму ценностей транснационального конституционализма, международных обязательств государства.

Ключевые слова: глобализация, Конституция Российской Федерации, международная защита, международный договор, мораторий, национальная правовая система, Организация Объединенных Наций, осужденные, права человека, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, пытки, смертная казнь, Совет Европы, транснациональный конституционализм, уголовное наказание

Для цитирования: Семенова О. Н., Петров А. М. Смертная казнь в зеркале транснационального конституционализма // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 3. С. 40–49. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-3-40-49>. EDN EJPVIC

Problems of Constitutional and International Law

Original article

The death penalty in the mirror of the transnational constitutionalism

Oxana N. Semenova¹, Anton M. Petrov²

^{1, 2}Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

¹Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

¹mercury06@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0446-9953>

²zepp.list@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0308-189X>

Abstract. Constitutionalism has become the foundation of a globalizing world. Human rights have been recognized as a democratic value of any State. However, due to a number of reasons, the issue of the appointment and execution of the death penalty has not found an unambiguous solution in the legislation of various countries. In the Russian Federation, when the country officially withdrew from the Council of Europe, whose membership was accompanied by a demand for the non-application of this criminal punishment, disputes about the resumption of the imposition of death sentences for a number of crimes resumed. The authors of the article, based on the analysis of the provisions of international legislation, Russia's voluntarily assumed international obligations in the field of human rights, constitutional norms, legal positions and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, scientific papers on the studied issues, formulate their own vision regarding the legal possibilities of resuming the use of the death penalty in the country through the prism of the values of transnational constitutionalism, international obligations of the state.

Keywords: transnational constitutionalism, human rights, death penalty, moratorium, United Nations, Council of Europe, Constitution of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, criminal punishment, convicts, international protection, national legal system, international treaty, torture, globalization

For citation: Semenova O. N., Petrov A. M. The death penalty in the mirror of the transnational constitutionalism. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(3):40–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-3-40-49>. EDN EJPVIC

Одним из процессов, характеризующих глобализирующийся мир, является конституционализация международных отношений в области прав человека. Государства на определенном этапе исторического развития осознали необходимость объединить усилия в деле защиты прав человека. Следствием этого стало создание международных межправительственных правозащитных организаций, в рамках деятельности которых права человека, декларированные международным сообществом, приобрели юридическое закрепление на уровне правовых норм в международных договорах и рекомендациях, а у государств, по заключению Б.С. Эбзеева, появилась взаимозависимость и взаимная ответственность, не свойственная традиционному пониманию государственного суверенитета [1, с. 600, 601].

Ценностям конституционной демократии был придан характер универсальной общечеловеческой значимости. Для обеспечения исполнения государствами добровольно принятых на себя международных обязательств в области прав человека международная система защиты прав человека предусматривает помимо международных документов в области прав человека создание контрольных органов, а также периодическое представление странами докладов о реализации международных договоров, ставших частью их правовой системы. Эффективность международного контроля стала проявляется в привлечении государств-нарушителей к международной ответственности, вплоть до исключения организации из состава межправительственной правозащитной организации, подрыве ее авторитета на международной арене. Права человека уже не рассматривались внутренним делом государств и стали основой для развития идей конституционализма в национальных правовых системах: провозглашение прав и свобод каждого человека приобрело статус приоритетной ценности демократического устройства любого национального государства.

Однако со временем события, происходящие на мировой арене, привели к становлению нового этапа развития транснационального конституционализма, характеризующегося кризисом его ценностей. Двойные стандарты в реализации международных обязательств в области прав человека, порой сопровождаемые применением военной силы в разрешении международных и межгосударственных конфликтов под эгидой ООН, либо региональных военно-политических организаций (например, НАТО) и др. привели

к процессам регионализации как элемента глобального конституционализма [2, с. 39], проявлением чего стало формирование государствами собственного видения концепции прав человека, опирающейся на менталитет, традиции, постулаты религии, ценности, закрепленные в их правовых системах (см., например, [3, с. 66]).

Как результат, вопрос о реализации такого вида уголовного наказания как смертная казнь не получил однозначного разрешения ни в отраслевых научных исследованиях, ни на международном уровне в рамках деятельности межправительственных правозащитных образований.

Следует заметить, что такой институт уголовного наказания как смертная казнь привлекал внимание общественности, научного сообщества, государственных деятелей на различных этапах исторического развития Российского государства и других стран. Каждый пытался внести свой вклад в изучение обозначенной проблематики, приводя доводы как «за», так и «против» применения этого вида уголовного наказания. Так, по мнению А.С. Сидоркина, смертная казнь является ответной и справедливой реакцией на посягательство на основополагающее право на жизнь [4, с. 32]. С его позицией солидарен М.В. Доцкевич, говоря о том, что смертная казнь, несмотря ни на какие субъективные оценки и общественное мнение, выступает правовым ограничением, юридическим средством, сдерживающим преступников, что вытекает из ее природы, и является объективным свойством [5, с. 1]. Имеются по данному вопросу и противоположные точки зрения. Так, в исследовании, проведенном Сычом К. А., Мещеряковым П. А. и посвященном вопросам предупреждения преступности, авторы приходят к выводу, что отсроченная на неопределенное время потенциальная угроза сурового наказания не имеет реальной сдерживающей силы для лица, имеющего преступные намерения [6, с. 64]. В то же время еще в 2007 г. Ю. Антонян указывал на то, что не имеется никаких статистически достоверных данных о том, какое количество людей воздержались от совершения убийства из-за страха быть казненными за это [7, с. 98]. По мнению А.В. Малько, смертная казнь стала неким универсальным средством в борьбе с преступностью, требуя от нее больше, чем она может дать по своей природе [8, с. 107].

23 февраля 2021 г. в ходе сорок шестой сессии Совета ООН по правам человека¹, в рамках которой исследовались вопросы нарушения прав человека в связи с вынесением смертного приговора, обсуждался также вопрос о том, способствует ли его применение сдерживанию преступности. Участники подчеркнули, что в странах, выступающих за сохранение такого вида уголовного наказания как смертная казнь, фактор сдерживания являлся наиболее частым обоснованием ее сохранения: люди не совершают преступлений, караемых смертью, из страха быть казненными. В ранее опубликованных докладах ООН так же к числу причин вынесения смертных приговоров государства относили интересы жертв преступлений, национальный суверенитет, культурные различия и чрезвычайные обстоятельства².

Однако, говорится в докладе ООН, масштабные исследования, проведенные в свете данной теории, показали, что она не имеет под собой оснований, как и то, что смертная казнь оказывает на преступность большее сдерживающее воздействие, чем тюремное заключение. Напротив, исследования показывают, что в некоторых государствах, отменивших смертную казнь, число убийств осталось на прежнем уровне или даже снизилось.

¹ High-level panel discussion on the question of the death penalty : Report of the Office of the United Nations High commissioner for human rights : A/HRC/48/38 (03.08.2021) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G21/210/43/pdf/G2121043.pdf?OpenElement> (дата обращения: 31.03.2023).

² High-level panel discussion on the question of the death penalty : Report of the Office of the United Nations High commissioner for human rights: A/HRC/42/25 (21.06.2019) –URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/179/05/pdf/G1917905.pdf?OpenElement> (дата обращения: 31.03.2023).

От совершения преступления людей удерживает не суровость наказания, а его неизбежность. Истинным сдерживающим фактором является именно верховенство права как таковое. В этой связи предположение о сдерживающем эффекте лишь отвлекает внимание общественности от давно назревших и более долгосрочных решений, которые могли бы быть более эффективными в борьбе с преступностью и ее коренными причинами. Более того, носителем суверенитета является народ, и государства имеют обязанности перед всеми лицами. В корне несправедливо, когда государство решает, кто заслуживает жить, а кто – нет. Смертная казнь является актом мести, а не правосудия, обществам следует стремиться к примирению, а не отвечать насилием на насилие, применяя смертную казнь. В этой связи Совет ООН по правам человека призвал государства опираться на доказательства, данные общественных наук и мнения экспертов, которые свидетельствуют о неэффективности смертной казни и развеивать ошибочные представления о сдерживающем эффекте этого вида уголовного наказания.

Таким образом, ООН призывало государства отказаться от вынесения смертных приговоров, приравнивая их к пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания¹.

В 2022 г. число стран, отменивших или введших запрет на применение смертной казни (либо законодательно или на практике, либо приостановили исполнение смертных приговоров более чем на 10 лет) достигло 170². К их числу присоединились такие страны, как Казахстан, Армения, Центральноафриканская Республики, Сьерра-Леоне и Папуа-Новая Гвинея. В США на федеральном уровне был введен мораторий на федеральные казни «до пересмотра определенных процедур и политики»; на уровне штатов – 36 из 50 либо отменили смертную казнь, ввели официальный мораторий на ее применение, либо не приводили ее в исполнение в течение 10 лет.

Однако отдельные государства, несмотря на проводимую ООН политику по упразднению этого вида уголовного наказания, возобновляли вынесение смертных приговоров. Так, например, в 2020 г. в Индии были проведены первые казни за пять лет. В 2019 г. Бангладеш и Бахрейн возобновили казни после того, как в 2018 г. отказались от их применения. Также сообщалось, что в 2018 г., впервые с 2016 г., казни были проведены в провинции Китая Тайвань³. В 2021 г. некоторые штаты США, такие как Миссисипи и Оклахома, возобновили исполнение смертных приговоров, несмотря на то, что не применяли этот вид уголовного наказания в течение нескольких лет, в 2022 г. – штат Аризона после восьмилетнего перерыва. В 2021 г. возобновили применение смертной казни также в Беларуси, Объединенных Арабских Эмиратах, Японии; в 2022 г. – в Сингапуре за преступления, связанные с наркотиками, после более чем двухлетнего перерыва.

На фоне появления стран, вновь ставших выносить смертные приговоры, увеличилась динамика числа самих казней. Так, в 2020 г. наблюдался этот рост случаев в Исламской Республике Иран (отчасти из-за роста числа казней за преступления, связанные с наркотиками), а также в Саудовской Аравии, Сомали, Южном Судане, Йемене, Египте. При этом на Египет, Ирак, Иран (Исламская Республика) и Саудовскую Аравию пришлось 88 процентов всех известных случаев казни.

¹ High-level panel discussion on the question of the death penalty : Report of the Office of the United Nations High commissioner for human rights : A/HRC/48/38 (03.08.2021) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G21/210/43/pdf/G2121043.pdf?OpenElement> (дата обращения: 31.03.2023).

² Question of the death penalty: Report of the Secretary-General: A/HRC/51/7 (25/07/2022) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G22/435/89/pdf/G2243589.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.07.2023).

³ Question of the death penalty: Report of the Secretary-General: A/HRC/45/20 (13.08.2020) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G20/204/10/pdf/G2020410.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.07.2023).

В 2021 г.¹ значительное увеличение числа казней было зафиксировано в Бангладеш, Индии, Мавритании и Пакистане, а также во Вьетнаме, Демократической Республике Конго, Египте, Ираке, Йемене и Мьянме. При этом 80 % всех известных случаев казни пришлось на Египет, Иран (Исламская Республика) и Саудовскую Аравию. По заключению ООН, в 2021 г. смертные приговоры приводились в исполнение в 18 государствах, то есть по сравнению с 2020 г. число таких государств не изменилось. В то же время по сравнению с 2020 г. увеличилось число смертных приговоров и подтвержденных казней. Несмотря на отмечаемый рост, число казней, зафиксированных в 2021 г., оказалось одним из самых низких за последнее десятилетие – этот показатель был ниже лишь в 2020 г.

В то же время нужно учитывать то обстоятельство, что ООН обладает не всей информацией по поводу реализации института смертной казни в зарубежных странах. Так, например, Китай и Вьетнам продолжают относить данные о применении смертной казни к государственной тайне, а по таким странам, как Беларусь, Корейская Народно-Демократическая Республика и Лаосская Народно-Демократическая Республика, информации практически нет. В Китае прозрачность судебной системы снизилась после того, как Верховный народный суд удалил уголовные дела из своего публичного сайта, включая все свои решения по пересмотру дел о смертной казни².

В этой связи закономерен вопрос, является ли возобновление применения смертной казни в странах, ранее отказавшихся от вынесения смертных приговоров, нарушением международных обязательств, вытекающих из членства в составе ООН?

Напомним, что уголовное наказание в виде смертной казни получило законодательное закрепление в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.³ (далее – МПГПП), в резолюции Экономического и Социального Совета ООН 1984 г.⁴, во Втором Факультативном протоколе к указанному международному договору 1989 г.⁵ и др. Второй Факультативный протокол к МПГПП – ключевой международный договор, запрещающий применение смертной казни. Статьей 2 (при соблюдении некоторых процедурных требований) допускается лишь одна оговорка: применение смертной казни в военное время после признания вины в совершении наиболее тяжких преступлений военного характера, совершенных в военное время. По состоянию на апрель 2022 г. участниками Второго Факультативного протокола к МПГПП являются 90 государств⁶ (на 31 мая 2020 г. их было 88; на 30 мая 2014 г. – 81⁷). Второй Факультативный протокол к МПГПП не содержит положений о денонсации или выходе из него, в отличие от Первого.

¹ Moratorium on the use of the death penalty: Report of the Secretary-General: A/77/274 (08.08.2022) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/453/71/pdf/N2245371.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.07.2023).

² Question of the death penalty :Report of the Secretary-General: A/HRC/51/7 (25.07.2022). – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G22/435/89/pdf/G2243589.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.07.2023).

³ Международный пакт о гражданских и политических правах : [принят Генер. Ассамблеей ООН 16 дек. 1966 г.] // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1976. – № 17, ст. 291.

⁴ Меры, гарантирующие защиту прав тех, кто приговорен к смертной казни : резолюция 1984/50 Экономического и Социального Совета ООН : [приняты 25 мая 1984 г. на 21-ом пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН] – Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Второй Факультативный Протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни (принят и открыт для подписания на 82-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 44/128 от 15 декабря 1989 г.) // Советская юстиция. 1992. № 7–8. С. 38.

⁶ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Second_Optional_Protocol_to_the_International_Covenant_on_Civil_and_Political_Rights (дата обращения: 25.07.2023)

⁷ Question of the death penalty : Report of the Secretary-General : A/HRC/27/23 – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/068/51/pdf/G1406851.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.04.2023).

ООН, обеспокоенная случаями возобновления применения смертной казни, сформулировала свою позицию на предмет нарушения международных обязательств однозначно, указав, что сохранение этого вида уголовного наказания в национальных законодательствах является нарушением международных правил: если государства-участники МПГПП отменили смертную казнь, внося поправки в свое внутреннее законодательство, став участниками второго Факультативного протокола к МПГПП или приняв другой международный договор, обязывающий их отменить смертную казнь, решение об отмене смертной казни является «окончательным», и государствам запрещается вводить ее вновь (пункт 34)¹. ООН также обращал внимание и на обязательства государств, юридически не оформивших свое согласие на отказ от вынесения смертных приговоров, но фактически не применявших ее в стране, отмечая, что когда де-юре или де-факто мораторий на применение смертной казни соблюдался в течение длительного периода времени, возобновление ее применения может противоречить объекту и цели ст. 6 МПГПП². Если, тем не менее, государство вновь вводит смертную казнь за конкретное преступление, эта мера наказания не может применяться ретроактивно³. В то же время государства, которые не упразднили такой вид уголовного наказания как смертная казнь, должны ввести и соблюдать мораторий на его исполнение с целью отмены⁴.

В Российской Федерации смертная казнь упоминается не только в отраслевом законодательстве, но и в ст. 20 Конституции страны. Норма права сформулирована таким образом, что предполагает упразднением данного вида уголовного наказания на определенном этапе исторического развития («впредь до ее отмены...»).

Официальное заявление России о своем выходе из состава Совета Европы и денонсации международных договоров в области прав человека, принятых в рамках его деятельности, возобновили интерес общественности к такому виду уголовного наказания как смертная казнь.

Напомним, вступление России в состав этой региональной межправительственной организации сопровождался требованием об упразднении данного вида уголовного наказания. В силу того, что в Конституции Российской Федерации 1993 г. смертная казнь получила свое закрепление во второй главе, куда не могут быть внесены изменения, Россия подписала, но не ратифицировала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁵ – международный договор, возлагающий на страны-члены Совета Европы запрет на реализацию института смертной казни. Не был подписан и принятый в 2002 г. Протокол № 13, полностью отменяющий применение смертной казни, в том числе в военное время. В этой связи в нормах уголовного и уголовно-исполнительного

¹ Capital punishment and the implementation of the safeguards guaranteeing protection of the rights of those facing the death penalty : Yearly supplement of the Secretary-General to his quinquennial report on capital punishment : A/HRC/42/28 (28.08.2019) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/255/61/pdf/G1925561.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.04.2023).

² Moratorium on the use of the death penalty : Report of the Secretary-General : A/75/309 (13.08.2020) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/210/73/pdf/N2021073.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.04.2023).

³ Capital punishment and the implementation of the safeguards guaranteeing protection of the rights of those facing the death penalty : Yearly supplement of the Secretary-General to his quinquennial report on capital punishment : A/HRC/42/28 (28.08.2019) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/255/61/pdf/G1925561.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.04.2023).

⁴ Question of the death penalty: Report of the Secretary-General : A/HRC/45/20 (13.08.2020) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G20/204/10/pdf/G2020410.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.04.2023).

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод : [заключ. в Риме 4 нояб. 1950 г. ETS № 005] // Российская газета. 1995. 5 апреля.

права были сохранены положения, регламентирующие порядок назначения и исполнения этого вида уголовного наказания. Вместе с тем, в силу требований ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.¹, даже если государство подписало, но не ратифицировало международное соглашение, оно тем самым выразило свое согласие на его исполнение, следовательно, действия страны вопреки его требованиям расцениваются как направленные на лишение договора его объекта и цели при условии, что страна не выразила ясно своего намерения не стать его участником. Таким образом, членство России в составе Совета Европы налагало определенные международные обязательства по упразднению наказания в виде смертной казни.

Для реализации добровольно принятых международных обязательств в стране изначально издается указ Президента РФ от 6 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы»², впоследствии выносятся решения Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) от 2 февраля 1999 года № 3-П³, от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р⁴, что давало исследователям вести речь о нелегитимности не реализации института смертной казни в России: введение моратория на смертную казнь в таком виде, какой он существует в России, не законно и не способствует обеспечению правопорядка [9, с. 46; 5, с. 3]. Соответственно, это дало основание «защитникам» рассматриваемого вида уголовного наказания в нашей стране повод для рассуждений о юридической возможности его применения. Активизировало общественный интерес к этому вопросу высказывание в 2021 г. В. Зорькина, председателя КС РФ, о возможности возврата к этой мере наказания в будущем⁵.

Это и другие заявления не могли быть не замечены на международном уровне. В Докладе 2022 г. Генеральный секретарь ООН выразил беспокойство по поводу того, что о возобновлении смертной казни заявили должностные лица самого высокого уровня в Гватемале, Российской Федерации, Тунисе и Мьянме (после фактического моратория, действовавшего в стране более 30 лет)⁶.

¹ Венская конвенция о праве международных договоров : [принята 23 мая 1969 г. : вступила в силу 27 янв. 1980 г.] // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1986. № 37, ст. 772.

² О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы: Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 // СЗ РФ от 20.05.1996, № 21, ст. 2468.

³ По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «о порядке введения в действие закона российской федерации «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР, Уголовный Кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского Городского Суда и жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // СЗ РФ от 08.02.1999, № 6, ст. 867.

⁴ О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // Российская газета, № 226, 27.11.2009.

⁵ Анисимова Н. Глава КС допустил возрождение в России смертной казни (29.12.2021) – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/29/12/2021/61cbaa919a7947ccb41d9cd5> (дата обращения: 01.04.2021).

⁶ Question of the death penalty: Report of the Secretary-General: A/HRC/51/7 (25.07.2022) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G22/435/89/pdf/G2243589.pdf?OpenElement> (дата обращения: 19.07.2023).

29 ноября 2022 г. В. Зорькин во время X Всероссийского съезда судей вновь не исключил возобновление применения смертных приговоров в России, но при условии изменения положений Конституции страны¹. В настоящее время в России сложился «конституционно-правовой режим, в рамках которого граждане РФ получили право не быть приговоренными к смертной казни», что было указано в правовой позиции в определении КС РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что последняя позиция КС РФ по поводу реализации института смертной казни в стране, которую мы отразили ранее, сформулирована в таком виде его решений как определение, что не исключает возможности ее изменения в силу возникновения новых обстоятельств, как это было, например, с вопросом о порядке формирования глав субъектов РФ². Этому же мнению придерживается М. А. Мокосеева, указывая на то, что правовые позиции, в отличие от решений высшего судебного органа, могут пересматриваться, не завершают процесс рассмотрения конкретного дела, а лежат в основе принятого судом решения, его аргументации [10, с. 131].

Однако мы полагаем, что в вопросе о применении смертной казни в стране новыми внешними условиями являются именно позиции ООН. Несмотря на то, что Россия не подписала и не ратифицировала Второй Факультативный протокол к МПГПП, полностью отменяющий смертную казнь, Российская Федерация как правопреемник СССР обязана исполнять обязательства по МПГПП: ст. 6 международного договора гласит, что «Ничто в настоящей статье не может служить основанием для отсрочки или недопущения отмены смертной казни каким-либо участвующим в настоящем Пакте государством».

Таким образом, современный этап развития транснационального конституционализма характеризуется кризисом его ценностей, вследствие чего имеет место регионализация международных отношений. Проявлением последнего стало формирование государствами собственного видения концепции прав человека, опирающейся на менталитет, традиции, постулаты религии, ценности, закрепленные в их правовых системах. Отдельные страны, несмотря на призывы ООН об упразднении наказания в виде смертной казни, возобновляют ее применение, говоря об обеспечении интересов жертв преступлений, национальном суверенитете, культурных различиях и чрезвычайных обстоятельствах. В Российской Федерации на высшем конституционном уровне был закреплен приоритет норм Конституции России в случае их противоречивости международным нормам и решениям межгосударственных органов по правам человека.

Безусловно, смертная казнь получила отражение в Конституции России, ее неприменение на основании решений КС РФ, правовые позиции в которых могут быть изменены в силу влияния «внешних условий», т.е. не завершают процесс рассмотрения конкретного дела, отсутствие в российском законодательстве юридически оформленного федерального закона об ее неприменении, мнение общественности, активизирует интерес сторонников вынесения смертных приговоров особенно в условиях, когда об этом заявили должностные лица. Однако факт ее длительного неприменения в стране, взятие СССР обязанности по исполнению ст. 6 МПГПП, допускающей назначение и применение смертной казни в странах-членах ООН (но оговариваясь, что это не может служить основанием

¹ Пашкова Л. Зорькин назвал невозможной смертную казнь при нынешней Конституции. – Режим доступа URL: <https://www.rbc.ru/society/29/11/2022/6385f2d99a794722e91b4329> (дата обращения: 26.07.2023).

² По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 21 дек. 2005 г. № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 3. Ст. 336.

для отсрочки или недопущения ее отмены), а также ранее выраженное страной юридическое согласие на запрет вынесения смертных приговоров в связи со вступлением в Совет Европы (что выразилось в подписании Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.), налагает соответствующие международные обязательства перед ООН, членом которой является Россия как правопреемник СССР, и которая расценивает подобные действия как нарушение международных норм. Россия позиционирует и является добросовестным партнером на мировой арене, в том числе по вопросам обеспечения прав человека. Возобновление применения наказания в виде смертной казни в России, на наш взгляд, подорвет авторитет страны, что тем более с учетом нынешней политической ситуации недопустимо.

Список источников

1. Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // *Юридическая техника*. 2017. № 11. С. 600–609.
2. Гончаров В.В. Проблемы содержания и типологии глобального конституционализма как социальной концепции // *Образование и право*. 2016. № 6. С. 21–51.
3. Хопёрская Л.Л. Ресурсы нетрадиционализма в конституционно-правовых процессах в Киргизской Республике // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2023. № 2. С. 60–67.
4. Сидоркин А. С. Проблема отмены смертной казни сквозь призму общих принципов права // *Вестник РУДН, серия Юридические науки*. 2010. № 4. С. 27–34.
5. Доцкевич М. В. Смертная казнь в России – быть или не быть // *Концепт*. 2014. Спец выпуск № 15. С. 1–5.
6. Сыч К.А., Мещеряков П.А. Наказание в виде смертной казни в системе превентивного воздействия на уровень преступности // *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России*. 2021. № 1 (7). С. 61–68.
7. Антонян Ю. Смертная казнь и ее альтернатива // *Уголовное право*. 2007. № 1. С. 97–101.
8. Малько А.В. Смертная казнь: современные проблемы // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 1998. № 1 (220). С. 106–116.
9. Полищук Н.И. Правовые проблемы моратория на смертную казнь // *Вестник Кузбасского института*. 2014. № 1 (18). С. 25–37.
10. Мокосеева М. А. К вопросу о сходствах и различиях между правовой позицией и решением Конституционного Суда РФ // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 3. С. 128–133.

References

1. Ebzeev B.S. Globalization and the formation of transnational constitutionalism. *Legal technique*. 2017;(11):600–609. (In Russ.)
2. Goncharov V.V. Problems of the content and typology of global constitutionalism as a social concept. *Education and Law*. 2016;(6):21–51. (In Russ.)
3. Khoperskaya L.L. Resources of non-traditionalism in constitutional and legal processes in the Kyrgyz Republic. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):60–67. (In Russ.)
4. Sidorkin A. S. The problem of abolition of the death penalty through the prism of general principles of law. *Bulletin of the RUDN, series of Legal Sciences*. 2010;(4):27–34. (In Russ.)
5. Dotskevich M. V. The death penalty in Russia – to be or not to be. *Concept*. 2014. *Special issue*; (15):1–5. (In Russ.)

6. Sych K. A., Meshcheryakov P. A. Punishment in the form of the death penalty in the system of preventive impact on crime. *Bulletin of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia*. 2021;1(7):61–68. (In Russ.)

7. Antonyan Yu. The death penalty and its alternative. *Criminal Law*. 2007;(1):97–101. (In Russ.)

8. Malko A. V. The death penalty: modern problems. *Izvestia of higher educational institutions. Jurisprudence*. 1998;1(220):106–116. (In Russ.)

9. Polishchuk N. I. Legal problems of the moratorium on the death penalty. *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2014;1(18):25–37. (In Russ.)

10. Mokoseeva M. A. On the issue of similarities and differences between the legal position and the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Actual problems of economics and law*. 2015;(3):128–133. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Н. Семенова – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Владимирский филиал РАНХиГС; доцент кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России.

А. М. Петров – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин, Владимирский филиал РАНХиГС.

Information about the authors

O. N. Semenova – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines, Vladimir Branch of the RANEPА; Associate Professor at the Department of Criminal and Executive Law of the Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

A. M. Petrov – Cand. Sci. (Jurid.), Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Vladimir Branch of the RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.08.2023; одобрена после рецензирования 17.08.2023; принята к публикации 18.08.2023.

The article was submitted 07.08.2023; approved after reviewing 17.08.2023; accepted for publication 18.08.2023.